

— Валентин Григорьевич, мое поколение “семидесятников” воспитывалось на “деревенской” литературе. Это была для нас не столько литература, сколько альтернативная идеология, формула жизни. Как, по-вашему, что произошло потом, почему востребованность этой литературы была исчерпана в конце 80-х? Это что — все наши путчи и революции так сильно повлияли? Или произошли какие-то резкие изменения в общественном сознании? За эти годы отринуты не только писатели — кумиры того времени, но и вообще литература как фактор влияния на умы. Сегодня на меня посмотрят как на сумасшедшего, если я признаюсь, что читал ваше “Прощание с Матерой” ночью, на кухне, — к утру надо было вернуть журнал...

— Позвольте, я вас сразу поправлю. “Деревенская” литература — это одно из направлений нашей отечественной словесности той поры. А “военная” литература, “городская”? Первую представляли Бондарев, Астафьев, Бакланов, Константин Воробьев. Вторую — скажем, Георгий Семенов, Юрий Казаков. Но это была честная литература, которая халтуры не выносила. Что произошло потом? “Деревенская” литература к началу восьмидесятых сказала все самое важное, что необходимо было сказать о старой деревне. Она, как с матерью родной, попрощалась с нею и указала на ценности, забывая которые для общества преступно и смерти подобно.

— Но простите, в таком случае “общественная душа” оказалась мельче вопросов, поставленных в “Царь-рыбе” и “Плотничих расказах”? Прошли и забыли?

— Для меня это тайна. Она,

Несколько дней назад писатель Валентин Распутин дал интервью нашей газете, предварив его вопросами:
“А для чего мне “Комсомолка”? И для чего вам я? Мы же идем разными дорогами...”
Мы попытались объяснить: разные дороги иногда ведут к одному месту — к храму. Может, теперь уже не надо делиться на патриотов и демократов? И почему бы известному писателю не сделать первый шаг навстречу тем и другим?

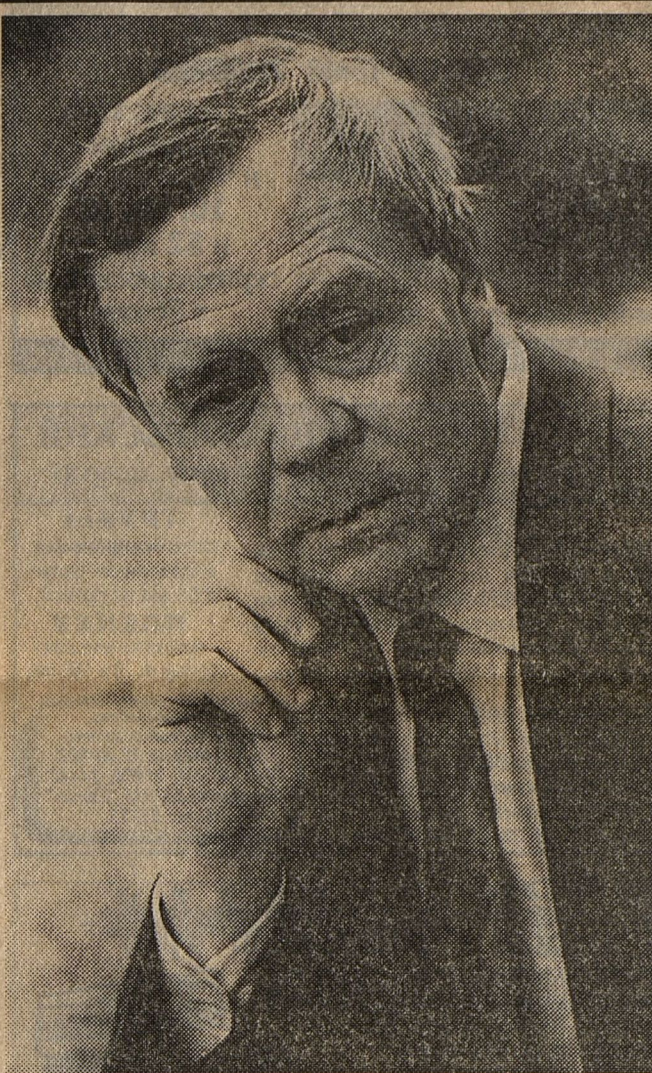

Фото Бориса Долгих

Валентин Распутин: *Комм. правда.-1996.-25 сент. — с.3*

«Мы пережили перестройку, и нам есть еще что сказать...»

разумеется, имеет разгадку, но остается тайной то, как быстро это произошло. Еще недавно — полные залы на встречах с писателями, взаимопонимание, огромный авторитет литературы, отношение к книге, как к ценности первого

что эти “зачинщики” — просто наиболее подготовленная часть общества? Инженеры из научных городков, внуки “коммунаров”, журналисты... Словом, те люди, которые выросли на литературе 70-х годов. И второе. Я не думаю, что беловский Иван Африканович, который при Хрущеве украдкой, по ночам косил траву для своей

ваш “Пожар”, мы были немножко озадачены жесткостью, однозначностью оценок автора: это хорошо — это плохо, это морально — это аморально. Это было так непривычно для читателя, который знает Распутина как повествователя тонкого, лишенного “чернобелых” тонов...

выключены из обращения. А читатель-то есть, он ждет этих журналов. Та же “Москва” — главный, мне кажется, духовный журнал — распространяется тиражом 4,5 тысячи экземпляров.

Повесть “Пожар” действительно вычерчена жесткими линиями: это — хорошо, а это — плохо... Да, малохудожественная вещь, это я прекрасно понимаю. Но ведь криком хотелось кричать

порядка. У нас, у писателей, у тех же “деревенщиков”, было впечатление, что создается духовная атмосфера, благодатная для России. Но грянул с перестройкой 89-й, затем 91-й год, и наше добродетельное отношение к душе оказалось перечеркнутым.

— Но ведь тогда вы и вся интеллектуальная элита получили полный карт-бланш. Горбачев создал свою команду, возил ее по белу свету, чтобы показать себя “цивилизованным монархом”. Казалось бы, вам и карты в руки.

коровы, оказался застигнутым врасплох рыночными реформами и ставкой на частную собственность...

— Но нельзя же ему изо дня в день твердить о том, что материальные блага — это единственная ценность. Телевидение — огромная и страшная сила. Президентские выборы это показали. Именно телевидение извратило человека в нравственном отношении и сделало это сознательно. Где-то в отдаленном городке человек видит вот это общепринятое “рыночное” мнение, какое-то время не принимает его, а потом тоже берет на вооружение. Причем — в известном смысле: все воруют, а я чем хуже?

— Десять лет, как “отгорел” ваш “Пожар” — что это за годы? Чем сейчас живет писатель Распутин, как устраивает свою жизнь?

— Я все пытаюсь понять, куда у меня ушли эти 10 лет. Занимался экологией, Байкалом, борьбой против поворота северных и сибирских рек. Отдавался этому, что называется, по велению души и сердца. Участвовал в программе сохранения памятников истории и культуры.

— Давайте мы не будем здесь устраивать рекламу даже “духовным” изданиям. Я только знаю, что Василий Белов опубликовал в “Нашем современнике” очень серьезный рассказ — я не могу найти этого журнала...

— Да, рассказ “Душа бес- смертна”.

— Но скажите, Валентин Григорьевич, вот эти минувшие десять лет, потраченных на общественно-политическую деятельность, — вы их не считаете потерянными для себя? Возможно, в общественном смысле было бы гораздо важнее, если бы вы написали какую-то художественную вещь, наподобие “Уроков французского”, которая заставила бы нас задуматься... Извините, я понимаю, что это очень жесткий вопрос.

— Только не забывайте, что как раз в это время в нашей культуре уже начались опасные вещи, “перестроечное бесовство”, рупором которого явились безоглядно демократические издания. Пошла кампания повальных разоблачений. А это губительная для общества штука. Это яд, который разъедает общественное сознание. В человеке, увы, сидит зверь. И этого зверя надо сдерживать в клетке. А ее распахни. И общество принялось уничтожать себя.

— А рынок, по-вашему, — это непременно воровство? Разве при коммунистах, когда человеку платили символические 150 рублей, он не считал своим долгом прихватить с работы какую-нибудь доску, батон колбасы, рулон туалетной бумаги — доступный ассортимент своего предприятия... И еще вопрос — о сознательности действий телевидения по разложению общественного сознания. Это, конечно, заказ с Запада?

Потом — вот эта перестройка. Я пошел в президентский совет к Горбачеву с двумя целями: помочь Байкалу и помочь русскому языку. То есть, хоть что-то сделать для культуры. Ничего мы не успели — началась эта свистопляска, 91-й год. Что ж, ушел в публицистику — и в ней удалось докричаться до общества.

— Вы знаете, это, по большому счету, потерянные годы. Но дело вот в чем. Я не мог иначе. И Белов не мог. Правы те, наверное, кто может устоять в условиях всеобщей разрухи, и, несмотря ни на что, творить. Но они могут позволить это себе только потому, что есть мы — которые позволяют себе этого не можем и берем на себя грязную работу.

— То есть, это как бы второй эшелон — вот идет паровоз, который протоптывает им дорогу...

— Именно. В этот паровоз бросают камнями, но такая уж участь машиниста.

— Но, может, это был процесс не самоуничтожения, а перерождения общества?

— Перерождаться под что? Под американскую модель жизни? Никогда вы из русского человека американца или европейца не сделаете, только извратите его окончательно. На это и был расчет — извратить, сбить с толку, вместо ценной навязать соблазны.

— Вы напрасно иронизируете. Западу надо было взять Россию. А для этого надо было отлучить человека от России. На это, начиная с 50-х годов, ушли огромные сотни миллиардов долларов. Русский человек и так не ахти насколько был к ней привязан, потому что эта привязанность только после коммунизма начиналась. Мы не успели ее закрепить, не хватило лет 15-20. И вдруг — новые порядки, новые ценности, новые идеалы. Да какие там идеалы в конце концов...

Вот то же самое сейчас происходит с Юрием Власовым. Он ведь тоже кричал, и голос уже сорвал, чтобы доказать очевидное. После этого наступает бессилие. До этого то же происходило с Владимиром Максимовым — талантливый человек, масса аргументов, а отклика — нет. И я сейчас на-

— Еще, Валентин Григорьевич, если чуть-чуть отстранимся от вашего поколения писателей, — есть ли у вас понимание нынешних литературных течений — что они собой представляют?

— Да сейчас нет никаких течений, как мне представляется. Есть постмодернизм. Вот эти молодые авторы, которые пишут неизвестно о чем и вы-

Кампания повальных разоблачений — губительная для общества штука. В человеке, увы, сидит зверь. И этого зверя надо сдерживать в клетке. А ее распахнули

А вы посмотрите, как все это начиналось. Кто собирал стотысячные демонстрации у Манежа? Это привилегированная часть общества — научные городки, тот же Зеленоград. Они при коммунизме жили неплохо и первыми начали переворачивать те, прежние порядки. То же можно сказать про академгородки у нас в Новосибирске и Иркутске.

Разбудите ночью, и я процитирую вам признание Даллеса: “Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа...”

— Валентин Григорьевич, а вы сейчас полагаете, что был у страны стабильный, потихонечку, поступательный путь развития?

чинаю понимать, что, видимо, пора возвращаться к литературной деятельности. Может быть, один рассказ стоит большей публицистической книжки. Если б еще читали...

— Сейчас в Москве, по-моему, всего два места, где можно купить “толстые” журналы. Прихожу к своей “тетеньке” из киоска “Роспечати”: “У вас толстые журналы есть?” — “А какие это толстые — “Плейбой” считается толстым?”

— Может, вы даже недооцениваете вопроса, который затронули. Вы — про Москву. А в провинции читают районную газету, областную, из “главных” — “Российскую”: там документы печатаются. “Комсомолку” вы уже не всегда найдете в сельских библиотеках. А те же толстые журналы — что из них попадает: “Знамя”, “Октябрь”, “Звезда”. То, что распространяет фонд Сороса...

...Нам осталось пригласить наших читателей высказаться по всем этим проблемам. Мы на самом деле напрочь ушли от “семидесятников”? И что приобрели взамен?

Теперь о лидерах антимодернизма тех лет. В основном это внуки старых революционеров, которые при старой власти жили намного лучше остальных. По сути, они выступили против дела, которому служили их отцы и деды. Но и деды, и внуки воевали против России, против народа, только за свои интересы. А телевидение и пресса с готовностью приняли уничтожать старые ценности и насаждать новые, в основе которых деньги и богатство. И человек на это поддавался.

— Извините, а вам не кажется,

— Между тем такие журналы, как “Москва”, “Наш современник”, “Роман-газета”

Беседу вел Валентин КАРКАВЦЕВ.

Беседу вел Валентин КАРКАВЦЕВ.